

На правах рукописи

Падалко Семен Сергеевич

**Институционализация еврейских общин
в СССР в 1960-1980-х годах**

Специальность: 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук, доцент,
Верняев Игорь Иванович

Санкт-Петербург
2026

Работа выполнена: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (г. Санкт-Петербург)

**Научный
руководитель:**

Верняев Игорь Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, Доцент
кафедры этнографии и антропологии,
ФГБОУ ВО «Санкт Петербургский
государственный университет» (г. Санкт-
Петербург)

**Официальные
оппоненты:**

Главацкая Елена Михайловна, доктор
исторических наук, доцент, профессор кафедры
археологии и этнологии, ФГАОУ ВО «Уральский
федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина» (г.
Екатеринбург)

Кузнецов Игорь Валерьевич, кандидат
исторических наук, доцент кафедры всеобщей
истории и международных отношений ФГБОУ
ВО «Кубанский государственный университет» (г.
Краснодар)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт славяноведения
Российской академии наук (Москва)

Заседание диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам 24.2.308.02 на базе ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» по адресу: 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173. Зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова и на официальном сайте университета: <https://diser.kbsu.ru/>. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Министерства науки и высшего образования РФ <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент Нальчикова Елена Аниуаровна

Общая характеристика работы

Актуальность темы диссертационного исследования определяется необходимостью комплексного историко-антропологического анализа еврейских религиозных сообществ в условиях позднесоветского общества. В центре внимания находится институциональный аспект функционирования официальных еврейских религиозных общин СССР в 1960-1980-х годах, в частности трансформационные процессы в деятельности синагог как ключевых религиозных институтов.

Значимость научного исследования обусловлена несколькими факторами. Прежде всего, в историографии до сих пор отсутствует систематическое исследование институциональной истории еврейских общин позднесоветского периода. Существующие данные демонстрируют существенные расхождения в оценках количества зарегистрированных иудейских общин (от 40 до 100 по разным источникам), что делает актуальной задачу установления их точного списка и анализа географического распределения, преимущественно в столицах и крупных региональных центрах. Без решения этой базовой проблемы невозможно адекватно изучать внутреннюю организацию и функционирование религиозных институтов.

В существующей исследовательской традиции, сложившейся преимущественно в американской и израильской академической среде, доминирует политико-центричный подход, сосредоточенный на таких аспектах как движение за эмиграцию, феномен "отказников", диссидентская активность, еврейский самиздат и подпольные религиозные практики. Такой подход, сформированный на основе опыта столичных еврейских активистов, оставил в тени повседневную жизнь официальных религиозных общин на локальном уровне, где синагоги часто описывались исключительно как места собраний пожилых верующих. Настоящее исследование предлагает альтернативную перспективу, рассматривая официальные религиозные структуры как полноценные социальные институты со сложной внутренней организацией.

Особую актуальность работе придает введение в научный оборот новых источниковых комплексов, включая рассекреченные архивные материалы государственных органов по контролю за религиозными объединениями, цифровые коллекции устной истории и полевые материалы этнографических экспедиций последних 30 лет. Эти источники позволяют по-новому взглянуть на религиозные практики и институты послевоенного периода.

С методологической точки зрения исследование сочетает исторический анализ архивных документов, антропологический подход к изучению религиозных практик и институциональный анализ организационных структур. Такой междисциплинарный подход позволяет преодолеть ограничения существующих нарративов и предложить более детализированное понимание роли религиозных институтов в жизни советского еврейства.

Социальная значимость работы заключается в восстановлении исторической памяти о повседневной религиозной жизни советских евреев, демонстрации стратегий адаптации религиозных институтов к условиям государственного контроля и способствовании более объемному пониманию религиозного ландшафта позднего СССР. Таким образом, настоящее исследование заполняет существенный пробел в историко-антропологическом изучении советского еврейства, предлагая новый взгляд на институциональные аспекты религиозной жизни через призму архивных и этнографических материалов.

Объектом исследования выступают официально зарегистрированные иудейские религиозные общины, легально функционировавшие на территории СССР в соответствии с действовавшим законодательством о религиозных культурах.

Предметом исследования является процесс институциональной трансформации иудейских религиозных общин, отраженный в документах советских государственных органов.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение процесса институциональной трансформации и стратегий адаптации еврейских религиозных общин в условиях позднесоветского общества (1960-1980-е гг.)

Задачи исследования:

- 1) выявить основные тенденции, повлиявшие на функционирование еврейских религиозных общин во второй половине XX в.;
- 2) исследовать функционирование советской бюрократической системы в отношении еврейских общин, включая методы сбора и обработки информации и механизмы административного контроля;
- 3) проанализировать организационную структуру еврейских общин и типы их институциональных трансформаций;
- 4) изучить адаптацию института раввината к законодательным условиям и повседневной жизни советского общества второй половины XX в.;
- 5) исследовать усилия еврейских общин в поддержании и проведении религиозной праздничной обрядности в представленный период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины 1960-х по конец 1980-х годов. Нижняя граница обусловлена изменением подхода к регулированию религиозных объединений в СССР, ознаменовавшегося объединением двух органов власти и созданием единого Совета по делам религий в декабре 1965 года. Верхняя граница обусловлена либерализацией государственного курса в сфере надзора за религиозными объединениями в конце 1980-х годов, отражённой в процессе разработки Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях», принятого 1 октября 1990 года.

Географические рамки исследования охватывают территорию всего СССР, где существовали официально зарегистрированные иудейские общины. Особое внимание уделено следующим регионам: Ленинград (ныне Санкт-Петербург), Кабардино-Балкарская АССР (ныне Кабардино-Балкарская Республика), Брянская область. Выбор данных регионов обусловлен разницей в динамике исторического развития отдельных еврейских общин. Так, ленинградская община представляет общину крупного городского центра,

Брянская область (города Новозыбков и Клинцы) – общины местечек, некогда входивших в черту оседлости, Брянск – общину пограничья. Кабардино-Балкарская АССР представлена городом Нальчик и общиной горских евреев, отражающей развитие групп восточных евреев в СССР.

Степень изученности

Религиозная жизнь советских евреев второй половины XX в. в настоящее время представляет собой перспективное, но недостаточно изученное направление научных исследований. Анализ существующей литературы позволяет выделить несколько характерных тенденций в изучении данного вопроса. Во-первых, хронологически большинство работ сосредоточено на относительно кратком микропериоде 1944-1964 годов, что создает существенный пробел в понимании более поздних этапов развития еврейских религиозных общин. Во-вторых, тематически преобладают исследования, посвященные вопросам эмиграции и политической активности советских евреев, тогда как собственно религиозные аспекты их жизни остаются на периферии научного интереса.

Особую сложность для исследователей представляет тот факт, что в СССР с середины 1950-х годов практически отсутствовали академические исследования по современной иудаике. Имевшиеся работы были ограничены либо античным и средневековым периодами еврейской истории, либо лингвистическими вопросами. Такие актуальные направления, как: новейшая история, социология, демография, этнография не рассматривались.

Отсутствия преемственности в еврейских исследованиях по истории и этнографии с одной стороны и отсутствие институциональной поддержки с другой является причиной, по которой произошел разрыв в академической традиции между поколениями исследователей, результатом которого стало отсутствие актуальных работ, в которых бы освящалась бы жизнь советских евреев, социально-демографические изменения и функционирование еврейских общин.

Единственными работами, которые рассматривали ситуацию с состоянием религиозных общин в СССР за период 1960-1980-х гг. являются зарубежные исследования, проведенные сотрудниками израильских и американских университетов. Однако такие работы затрагивали поверхностно состояние еврейских религиозных общин после 1964 г. упоминая статистические факты о количестве синагог и действий государственных органов по регулированию иудаизма.

Исследования израильских историков У. Орбаха, Б. Пинкуса, Я. Рои, А. Йодфата, концентрировались на влиянии советской политики в отношении иудаизма и еврейских общин. Так, разрабатывались периодизации и в основном рассматривался период 1920-1930-х гг. и первых двух десятилетий послевоенной истории. Поздне-советский период в этих работах был представлен слабо.

Главными особенностями зарубежных работы, опубликованных в 1970-1980-е гг. является поверхностное рассмотрение вопроса статуса религиозных еврейских общин и фактически полное отсутствие анализа повседневной жизни, что объясняется акцентом на государственную политику и ограниченность источников, которые составляли материалы периодической печати и официально публикуемые сведения – например отчеты, предоставленные СССР в ООН.

Отдельным направлением исследований заложенного активистами еврейского национального движения 1970-1980-х гг. стало документирование истории «отказа» первые газетные и журнальные заметки в зарубежной прессе. Именно с этого момента начинает формироваться нарратив о позднесоветском еврействе, в котором основная идея состояла из фиксации проявлений государственного антисемитизма и проблем борьбы за право выезда, так как активисты еврейского движения активно способствовали развитию западной публицистике о проблемах евреев и в данном контексте иудаизм представлялся как угнетаемая религия. Наиболее подробно проблематика еврейского национального движения отражена в работах М. Членова, М. Бейзера, Г. Зелениной.

Начиная с 1990-х в исторических и антропологических исследованиях произошел резкий поворот в сторону изучения советской истории, как периода довоенного, так и послевоенного. Основным драйвером исторических исследований становится открытие государственных архивов в странах Восточной Европы, прежде всего Украины, и стран Балтии. Благодаря этому исследователям становятся доступны источники по проведению государственной антирелигиозной политике и наблюдения чиновником за религиозными организациями.

В 1998 году вышел сборник документов украинского историка М. Мицеля посвященного истории Львовский и Киевской синагоги. Начала выходить в печать книжная серия Г. Костырченко, в монографиях которого охватывается целый спектр тем: влияние политики государства на еврейскую религию, культуру, также показываються взаимоотношения СССР по «еврейскому вопросу» с другими странами – США, Израилем, Венгрии, Польши, Чехословакии. Первая книга включает, период управления страной И.В. Сталиным, последующие работы посвящены времени других лидеров, доводит он серию до М.С. Горбачева

Основным подходом представленных работ постсоветского этапа историографии сфокусированность на государственной политике в отношении общин, анализу внутренней жизни еврейских общин и институциональным изменениям произошедших в этот период уделено незначительное внимание.

Наиболее подробно обследовать повседневную жизнь еврейских религиозных общин в период 1943-1964 г. удалось М. Альтшуллера, Изучая советские архивы, автор задокументировал глубокую реакцию советских евреев на Холокост и динамику еврейской жизни в советском обществе

Отдельной группой исследований относятся научные статьи, посвящённые еврейским религиозным общинам в отдельных регионах СССР. Данные работы содержат ценные сведения не только о структуре и деятельности общин, но и раскрывают элементы их повседневной жизни. Общими чертами являются: акцент на послевоенном периоде (1940-1960-е гг. и активное использование архивных материалов, прежде всего документов из фонда Уполномоченного

Совета по делам религиозных культов. К этой группе публикаций относятся работы В. Колесова, В. Герасимовой, К. Баркан, С. Репинецкого, Ю. Снопина, Е. Гениной, К. Карпекина, А. Горбатова, Н. Зиберт.

Этнографические исследования последних трех десятилетий представлены экспедиции 1988-1989 гг. охватили бывшие местечки Украины и Беларуси (Меджибож, Брацлав, Умань и др.), где велась фиксация устной истории, надгробий и традиционной культуры довоенного периода. Особенностью первых экспедиций в регионы бывшей черты оседлости являлось, то что участники экспедиций, прежде всего, ставили перед собой задачу сбором фольклора и устной истории о довоенной жизни евреев выбранного региона. Поскольку у исследователей была возможность записывать интервью с информантами, родившимися еще в начале XX в. основной акцент делался на сбор сведений о традиционной культуре, существовавшей в довоенное время. Внимание к проблемам существования еврейских общин в 1960-1980-е г. не уделялось.

Отдельная роль в развитии еврейской этнографии отводится негосударственным институциям в области образования и науки, развивающие академическую иудаику в России, одним из таких центров является основанный в 1994 г. Центр Сэфер, проводящий полевые этнографические исследования с 2005 г. За более, чем 15 лет удалось провести экспедиции, как в регионы ашкеназской еврейской культуры: Украины, Беларусь, Латвии, Молдовы, Приднестровья, так и организовать экспедиции на Кавказ, в Дагестан (горские евреи) и Грузия (грузинские евреи). Результатом исследований явились коллективные сборники трудов, посвященные отдельным аспектам еврейской традиционной культуры. К числу таких сборников относятся: результаты экспедиции в Грузию 2013 «Страницы истории и культуры евреев Грузии»; материалы экспедиций 2011-2012 гг. в Латгалию, местечка Желудок Западной Беларуси, г. Лепеля Могилевской области Белоруссии; экспедиций 2016-2017 гг. в Смоленскую и Брянскую области.

Из приведенных выше работ становится очевидно, что изучение еврейских религиозных общин позднего СССР весьма актуально. Вместе с тем некоторые

аспекты недостаточно проработаны исследователями и требуют дальнейшего осмысления.

Основную массу **используемых источников** можно условно разделить на два вида: архивные данные и материалы современных полевых исследований.

Архивные данные представлены разнообразными типами документации. В исследовании использованы данные Всесоюзных переписей населения СССР в 1939 , 1959 , 1979 , 1989 гг. На основе данных переписей прослеживается динамика ассимиляции и урбанизации еврейского населения СССР по разным регионам.

Наиболее обширной частью источников является документации Совета по делам религий (далее – СДР) при Совете Министров СССР за 1965-1989 гг. Материалы СДР представляют собой уникальный источник для понимания советской бюрократической системы фиксации и контроля религиозной жизни. Анализ этих документов позволяет выявить несколько ключевых аспектов:

В настоящем исследовании использованы материалы 4 коллекций СДР хранящихся в федеральных и региональных государственных архивах. В ГАРФ использованы документы Фонда 6991 Описи 6. В рамках работы с данной описью отсмотрено более 130 единиц хранения, отражающие деятельность религиозных еврейских общин по всем союзным республикам СССР, в которых они были представлены.

В ЦГАСПБ использованы документа Фонда 2017. В рамках работы с данными описями обработано 20 единиц хранения по работе Ленинградской хоральной синагоги.

В УЦГА АС КБР использован фонд Р-780, хранящий сведения по работе уполномоченный СДР по КБАССР, использованы документы 1960-1978 гг. Опись 1 и 2 Основная документация представлена статистическими сведениями, докладными записками и регистрационным делом о Нальчикской общине горских евреев. В рамках работы с данными описями обработано 12 единиц хранения.

В ГАБО использован фонд Р-2889, использованы документы 1962-1984 гг. Опись 1. Основная документация представлена статистическими сведениями и

отчетам об еврейских общинах городов Брянска, Новозыбкова, Клинцев. В рамках работы с данными описями обработано 18 единиц хранения.

Несмотря на то, что используемые документы отражают государственный взгляд на функционирование религиозных объединений и описывают их через формальные критерии (численность, наличие молитвенных зданий, финансовое положение), они тем не менее позволяют: проследить характер взаимодействия между советскими чиновниками и представителями еврейских общин, выявить стратегии адаптации общин к бюрократическому контролю и обнаружить элементы повседневной жизни и праздничной обрядности, зафиксированные в этих официальных документах

Вторую группу источников составляют Коллекция аннотированные записей интервью с материалами по устной истории, традиционной культуре и фольклору восточноевропейских и российских евреев представлена в онлайн-базе SFIRA (SEFER Field Research Archive) .

Методология исследования носит междисциплинарный характер, опираясь на теоретические разработки двух дисциплин: антропологии бюрократии и социологии организаций. Оба направления, возникшие в результате критического переосмысления модель рациональной бюрократии М. Вебера, предлагают сосредоточиться на реальных практиках взаимодействия внутри бюрократических структур.

В рамках антропологии бюрократии рассматривается проблематика документа, как бюрократического артефакта. Применительно к диссертационному исследованию рассмотрены документы Совета по делам религий, и степень репрезентации религиозной жизни. Обращая внимания на методы сбора данных уполномоченными Совета и табличные формы представления данных, наиболее важным вопросом становится проблема достоверности информации в документом.

Второй теоретической основой исследования выступает социология организаций, где формальные организации рассматриваются как результат процесса бюрократизации. В рамках этого подхода анализируется вариативность

организационных структур и поведенческих моделей, с особым вниманием к концепции организационной гомогенизации П. Димаджо и У. Пауэлл. В рамках концепции ключевое значение приобретают процессы бюрократизации как механизмы структуризации организационных полей, где государственное регулирование и профессиональные стандарты выступают основными факторами гомогенизации.

В рамках данного исследовательского подхода анализируется структура еврейских религиозных общин СССР как единое организационное поле иудейской религии, с особым акцентом на выявление типов институциональной трансформации отдельных общин. При этом особое внимание уделяется вариативности адаптационных стратегий, которые развивали общины в ответ на давление советской административной системы, что проявлялось в различных моделях институциональной трансформации при сохранении общих черт организационного поля иудаизма в СССР.

В диссертации использованы следующие **методы**:

Историко-системный метод обусловил анализ проблематики исследования на основании рассмотрения еврейских традиционных институтов, как единой системе, включающей синагогу, раввинат, праздничную обрядность, а также систему коммуникации с властными субъектами.

При изучении статистических данных Совета по делам религий, касающихся количественных параметров еврейских общин, был применен структурно-типологический метод. Это позволило разработать типологию еврейских общин на основе различий в их институциональной адаптации. В результате исследования была предложена схема, включающая 4 основных типа еврейских общин.

Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить схожие и специфические черты общин, представлявших каждый из выделенных типов. Для сравнения были отобраны три региона с различными типами общин: Ленинградская хоральная синагога, Нальчикская община горских евреев, Общины Брянской области (Новозыбков, Клинцы, Брянск). Проведенный анализ выявил

как общие закономерности, так и региональные особенности развития еврейских общин в СССР.

Для верификации предложенной типологии был дополнительно применен метод кластерного анализа финансовых показателей на основе данных 15 еврейских общин. Этот метод позволил: выявить устойчивые кластеры финансового поведения и определить паттерны экономической активности. Полученные результаты позволили подтвердить обоснованность разработанной типологической схемы.

Историко-генетический метод был применён в рамках исследования трансформации института раввината. Прослежено, как менялась модель взаимоотношений еврейской общины с раввинами от позднеимперского периода к позднесоветскому, а также как трансформировались выполняемые роли как самих раввинов, так и тех, кто исполнял эти функции.

Научная новизна

Настоящая работа представляет собой первое в историографии комплексное исследование функционирования официальных еврейских религиозных общин в 1960-1980-х годах - период, к которому ранее практически не обращались исследователи. Впервые вводятся в научный оборот и анализируются материалы четырёх ранее архивных фондов, содержащих уникальную документацию Совета по делам религиозных культов по данному периоду. Эти источники, включая отчёты уполномоченных, переписку с местными органами власти и внутренние аналитические записки, впервые позволяют детально реконструировать повседневную жизнь советских синагог, их внутреннюю организацию и стратегии адаптации к условиям государственного контроля. Особую ценность представляют документы, отражающие реальные практики взаимодействия между религиозными общинами и чиновниками.

Разработанная и впервые предложенная комплексная макроуровневая типология еврейских общин СССР, основанная на критериях их институционального устройства, степени автономии и стратегиях адаптации. На микроуровне проведено детальное исследование ключевых религиозных

институтов - раввината и системы праздничной обрядности, что позволило выявить механизмы сохранения религиозной традиции в условиях позднего СССР. Особое внимание уделено анализу региональных особенностей развития еврейских общин в различных регионах страны.

Отдельный вклад в научную новизну составляет исследование системы документооборота советских религиозных органов. В работе проанализированы методы работы чиновников Совета по делам религий, их мотивация и подходы к сбору информации. Это позволило выявить характерные черты советской отчётной документации и определить степень достоверности излагаемых в них фактов.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в примененном социологическом подходе и разработанной типологии еврейских религиозных общин, что может быть использовано для построения схожих моделей и исследовании сферы институционального устройства иных конфессий.

Исследовательская работа также вносит вклад в развитие истории и антропологии еврейских общин второй половины Восточной Европы, что является значимым для дальнейших теоретических и практических исследований в области академической иудаики, как российской, так и зарубежной.

Материалы диссертации и основанные на них выводы могут быть использованы в обобщающих и частных исследованиях по этнографии и социологии еврейского населения СССР, а также найти применение при разработке лекционных курсов в учреждениях высшего образования.

Материалы диссертационного исследования представляют практическую ценность для современных еврейских общин, способствуя восполнению лакун в изучении их собственной истории. Кроме того, полученные результаты могут быть востребованы государственными органами власти при разработке и совершенствовании методов взаимодействия с религиозными общинами иудейского вероисповедания в Российской Федерации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Еврейские религиозные общины второй половины XX в., как в странах Запада, так и Восточной Европы испытали схожий набор процессов, определивший их изменения к 1960-м гг. Наиболее важными из них стала урбанизация, модернизация и последствия Второй Мировой Войны и Холокоста, приведшие к значительной ассимиляции и снижению уровня религиозности евреев по всему миру. Коснулись, данные процессы и евреев Советского Союза.

2. Влияние ассимиляционных и модернизационных процессов при общем курсе атеистической и антирелигиозной политики Советского государства существенно повлиял на структуру религиозных организаций. Институциональные изменения были необходимым условием для встраивания в систему советского общества, где сами синагоги являлись коммуникатором между властью и верующими евреями. Однако в зависимости от характеристик общин их стратегии адаптации и институциональные изменения были разными, что видно в разработанной типологии.

3. Структуру еврейских общин можно представить, в рамках 4 типов советских синагог, которые существенно отличаются как по выполняемым функциям, так и параметрам численности общин и их финансового положения.

4. С точки зрения документации Совета по делам религиозных культов сфера иудейской религии находилась в русле общей советской религиозной политики в представленный период. Контроль за религией носил системный характер, в котором Уполномоченные уделяли больше внимания православной церкви и другим направлениям христианства, иудаизм же находился на периферии отчетности.

5. Изменение роли раввина и снижение уровня профессионализации как следствие разрушения системы подготовки кадров, переход функций лидеров и наставников к бюрократическому аппарату общин.

6. Концентрация усилий общин в обеспечении и поддержания элементов религиозной жизни: проведение календарных праздников, выпечка мацы, печать молитвенников и др. как основная задача взаимодействия с государственной властью.

Диссертация **соответствует паспорту научной специальности 5.6.4.** Этнология, антропология и этнография, в частности пунктам: 2. Теория и методология антропологических исследований; 3. Региональные этнографические исследования, включая индигенные исследования; 4. Политическая антропология и этнополитология; 6. Идентичность, этничность, этническая история, в том числе межэтнические отношения и конфликты; 7. Антропология религии, включая межрелигиозные отношения и конфликты

Апробация результатов исследования Основные положения диссертации обсуждались на шести международных научных конференциях:

1. V Международная конференция «Еврейское поле: опыт и концептуализация» (Москва, декабрь 2022 г.)
2. VIII Всероссийская научная конференция «Большая перемена: трансформация общественного сознания в 1953-1985 гг» (Пермь, октябрь 2023).
3. VII конференция «Еврейское поле: опыт и концептуализация» (Москва, ноябрь 2024 гг.).
4. «Наставничество в многообразии духовных традиций» (Санкт-Петербург, октябрь 2024).
5. «Время перемен: в славянской и еврейской культурной традиции» (Москва, декабрь 2024).
6. Third International Conference «At the Crossroads of Cultures: The Jews of Central Asia and the Caucasus» (June 2025, Almaty)

Основные научные результаты, содержащиеся в диссертации отражены в 5 научных статьях объемом 4 п.л. в том числе: 3 – в рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ изданиях, 1 публикация в журнале индексируемом в базе данных SCOPUS, 1 в иных рецензируемых изданиях.

Диссертация состоит из введения, трех глав главы, заключения, списка используемых источников и литературы.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обоснованы актуальность темы, сформулированы цель и основные задачи исследования, определены его научная новизна и практическая значимость.

Первая глава «Тенденции развития еврейских общин во второй половине XX в.» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе рассматривается вопрос трансформации еврейской идентичности в XX веке. Рассматриваются процессы секуляризации, ассимиляции и миграции евреев после Второй мировой войны, а также влияние Холокоста и государственной политики разных стран на религиозные общины. Основное внимание уделено США, Великобритании и странам Восточной Европы (Румынии, Венгрии, Польше), где эти процессы протекали по-разному, но в одном тренде.

Общей тенденцией сдвига еврейской идентичности, стало изменение главного критерия еврейской принадлежности от иудаизма в сторону понимания еврейского, как этническое самосознание.

Основными драйверами изменений стало влияние Холокоста и миграции. Гибель трети всего мирового еврейского населения и массовый отъезд из Европы привели к переносу центра еврейской жизни в США и Израиль.

В США в этот период времени стала происходить постепенная адаптация религиозных институтов, в частности синагоги становились культурными центрами, привлекая светских евреев. В Великобритании наблюдался схожий процесс, однако из-за сокращения численности евреев, наблюдалась более сильная ассимиляция.

В странах Восточной Европы, прежде всего в Румынии и Венгрии секуляризация евреев связана была с тем же набором причин, однако она усиливалась из-за антирелигиозной политики социалистических государственных режимов. Однако отмечено, что из-за активной деятельности лидеров Румынских и Венгерских общин удалось сохранить элементы автономии религиозной сферы

больше, чем в других социалистических странах Европы. Отмечено, что в Польше еврейская жизнь почти полностью исчезла.

Вторая глава посвящена демографической динамике развития советского еврейства в XX веке, где процессы секуляризации и ассимиляции начались раньше, чем на Западе, и протекали под влиянием государственной политики.

Рассматриваются ключевые факторы: урбанизация, антирелигиозные меры, Холокост, миграции, смешанные браки и демографический спад. Особое внимание уделено статистике (переписи 1926–1989 гг.), показывающей стремительное сокращение еврейского населения в СССР.

Отмечено, что в отличие от Запада, секуляризация советских евреев началась ещё до Второй мировой войны и ускорилась при большевиках за счёт урбанизации и запрета религии, что привело к более ранней и ускоренной модернизации еврейского населения.

Первые два десятилетия советской власти привели к существенным демографическим изменениям. Так евреи стали одной из самых урбанизированных групп. К 1939 году 87% евреев стали горожанами, а доля считавших русский родным языком выросла с 26% (1926) до 55% (1939). Лишь 17% идентифицировали себя как религиозные (1937).

К 1959 году 95,3% евреев жили в городах, а доля смешанных браков достигла 56% в РСФСР. Основная масса еврейского населения была концентрировалась в пяти крупнейших городах: Москве (239 тыс.), Ленинграде (169 тыс.), Киеве (153 тыс.), Одессе (108 тыс.), Харькове (81 тыс.)

К этому времени ассимиляция достигла значительных масштабов: к 1970-м годам менее 20% евреев называли идиш или иврит своим родным языком. К 1989 году численность сократилась с 2,3 млн. до 1,5 млн. человек из-за низкой рождаемости и эмиграции.

Третий параграф посвящен эволюции положения иудаизма в СССР с 1917-х до 1960-х годов. В нем рассматриваются ключевые этапы государственной политики в отношении еврейской религии: от первых антирелигиозных кампаний и репрессий 1920–1930-х гг. до временного послабления в военные годы и нового

витка подавления в послесталинский период. Особое внимание уделяется борьбе общин за выживание, попыткам централизации (Комитет раввинов СССР) и постепенной утрате религиозной идентичности советскими евреями.

Советская политика в отношении иудаизма носила двойственный характер: с одной стороны, евреи получили формальное равенство прав, но с другой - их религиозные институты (синагоги, хедеры, иешивы) подверглись систематическому разрушению, а духовенство - репрессиям. В 1920-е годы предпринимались попытки консолидации общин, наиболее заметной из которых стала деятельность любавического ребе Йосефа Ицхака Шнеерсона, создавшего подпольный Комитет раввинов СССР, однако его арест в 1927 году и последующая эмиграция сорвали эти планы. Временная либерализация в военные и послевоенные годы (1943-1948) позволила зарегистрировать часть общин, но после создания государства Израиль началась новая волна преследований.

К 1960-м годам в результате «Хрущевской» антирелигиозной кампании были закрыты многие синагоги, возобновившие деятельность после войны. С середины 1960-х по всей стране легально действовало не более 100 синагог, причем их значительная часть была сосредоточена в регионах Кавказа и Средней Азии, где еврейские общины, оказались более традиционны и устойчивы.

Динамика развития иудейских религиозных институтов свидетельствует о двух взаимосвязанных процессов происходивших в советском государстве. Первый это неуклонный процесс слома традиционных институтов, как в рамках репрессивных кампаний, так и идеологических. Вторым процессом, это попытка включения остающихся институтов в бюрократическую логику, связанную с процессами регистрации, ведения отчетности и их ликвидации, неизбежно под воздействием данных процессов происходила трансформация институтов попытки их адаптироваться и уцелеть, при этом совмещая традиционные черты и предоставляя возможность отдельной части верующим испытать религиозный опыт.

Вторая глава «Еврейские религиозные общины в оптике советской бюрократии» состоит из 6 параграфов.

Первый параграф посвящен теоретическому анализу роли бюрократии и документов в изучении еврейских религиозных сообществ, а также критическому переосмыслению теории рациональной бюрократии Макса Вебера. Подчеркивается, что статистические данные о численности верующих и религиозных организаций, собранные государственными органами, отражают не только религиозную политику, но и процесс бюрократизации религии — ее институционализацию и интеграцию в систему государственного управления. В этом контексте рассматривается веберовская концепция бюрократии как "железной клетки" рациональности, а также ее последующая критика в рамках антропологии бюрократии и социологии организаций.

Предложено анализировать еврейские религиозные общины позднесоветского периода через призму документов, созданных государственными органами, и их взаимодействия с бюрократическими механизмами, что позволяет глубже понять динамику религиозной жизни в условиях государственного контроля.

Во втором параграфе рассматривается история и деятельность Совета по делам религиозных культов, как актора бюрократизации религиозных объединений в СССР. Данный государственный орган, созданный в 1944 году для контроля над религиозными организациями в СССР (кроме Русской православной церкви, которая курировалась отдельным ведомством). В тексте подробно описывается структура СДРК, его функции, кадровый состав и эволюция вплоть до его объединения с Советом по делам РПЦ в 1965 году в единый Совет по делам религий.

СДР играл ключевую роль в бюрократизации религиозной жизни, собирая статистику, регулируя деятельность общин и отчитываясь перед правительством. Однако его возможности были ограничены из-за нехватки кадров, низкого уровня образования уполномоченных и преобладания в аппарате бывших сотрудников силовых структур (НКВД-КГБ) и партийных работников.

Совет был инструментом жесткого государственного контроля над религией, но его эффективность снижалась из-за организационных проблем. В

первые годы он фиксировал рост религиозной активности, но к 1960-м годам, особенно после смены руководства и объединения ведомств, его работа свелась к формальному надзору. Определено, что особенно слабо контролировались иудейские общины, поскольку основное внимание уделялось православным и протестантским организациям. Таким образом, СДР отражал общую тенденцию ужесточения религиозной политики СССР и бюрократизации управления конфессиями, но его реальное влияние было ограничено структурными и кадровыми недостатками

Третий параграф отражает анализ документации СДР и его уполномоченных в 1965–1991 годах, отражающих их работу, с акцентом на еврейские общины. Основное внимание уделяется структуре и содержанию отчетных материалов, методам сбора данных о религиозных общинах и проблемам достоверности этих сведений. Исследование базируется на архивных документах фонда Р-6991 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и других региональных архивов.

Выделены три типа документов, составлявших основу отчетности уполномоченных: статистические формы (1–4), ежегодные отчеты и докладные записки по отдельным вопросам. Статистические формы содержали количественные данные о религиозных объединениях, их финансовой деятельности и обрядах, но были ориентированы преимущественно на христианские общины, что затрудняло фиксацию информации о иудейских общинах. Ежегодные отчеты включали анализ религиозной ситуации, опираясь на статистику, и демонстрировали шаблонный подход к описанию, особенно в отношении еврейских общин, где часто использовались стандартные формулировки об отсутствии изменений. Докладные записки фиксировали проведение религиозных праздников, причем со временем объем информации о еврейских праздниках сокращался.

Особое внимание уделяется методам сбора данных, которые делились на прямые (отчеты общин, собеседования, наблюдения) и косвенные (осведомители, доносы). Прямые методы были ограничены ресурсами уполномоченных, а

косвенные — недостаточно надежны, что приводило к фрагментарности и недостоверности информации. Отмечено, что уполномоченные часто критиковали качество данных, особенно в части численности прихожан и финансовых показателей, но продолжали использовать их в отчетах.

В главе делается вывод о том, что система контроля над религиозными общинами, включая еврейские, была противоречивой и бюрократизированной. Документация СДР, несмотря на их формальную достоверность как государственных актов, содержали значительные пробелы и искажения, обусловленные идеологическими рамками и ограниченными возможностями сбора информации.

В четвертом параграфе охарактеризована институциональная картина еврейских религиозных общин в СССР в 1960–1980-е годы. Анализируется трансформация иудейских общин под влиянием государственной политики, их региональное разнообразие и роль в сохранении религиозной практики, несмотря на ограничения и контроль со стороны советских властей.

Выделено, что период 1960-1980-х гг. приурочен к этапу стабильного контроля Брежневской эпохи. Подчёркивается, что, несмотря на отсутствие новых регистраций общин и антирелигиозную пропаганду, открытых репрессий не проводилось.

Религиозные общины были интегрированы в систему контроля через Совет по делам религий, но их деятельность оставалась ограниченной. После проведенной антирелигиозной кампании на 1 января 1967 г. насчитывалось 89 синагог. Наименее пострадали синагоги в Грузии – 26, РСФСР - 23, Узбекистане – 7. Наиболее пострадали религиозные общины Украины, там осталось 14, Латвии - 4, Молдавии – 2. Также по официальным данным насчитывалось 113 незарегистрированных религиозных групп.

Существовали значительные региональные и институциональные различия в функционировании общин в разных регионах СССР. В РСФСР (Москва, Ленинград) общины сохраняли активность благодаря крупным синагогам, в то время как в Украине и Молдавии контроль был жёстче, но традиционные

практики сохранялись. В Средней Азии и на Кавказе общины бухарских, грузинских и горских евреев демонстрировали устойчивость к ассимиляции, а в Прибалтике поддерживали больше связи с зарубежной диаспорой.

Рассмотрен подход к определению религии, сформулированный историком Г. Фризом, с точки зрения критики, предложено рассматривать религию в СССР не с точки зрения деинституционализации, а трансформации и стабилизацию иудейских институтов к середине 1960-х годов. Несмотря на жёсткий контроль и ограничения, еврейские общины адаптировались к советской системе, сохраняя религиозную практику. Их устойчивость объясняется региональной спецификой, неформальными связями и слабым бюрократическим надзором.

В пятом параграфе предложена типология еврейских общин позднесоветского периода, основанная на их адаптационных стратегиях, степени институционализации и взаимодействии с советской властью. Опираясь на подход институционального изоморфизма, предложенного в рамках экономической социологии П. Димаджио и У. Пауэллом. Составлено 4 группы синагог на основе критерием финансовых возможностей, географического расположения и уровня контроля со стороны государства.

Первый тип: «Видные синагоги» наиболее крупных по численности общин, имеющие большие годовые бюджеты за счет пожертвований, в их пользование находились исторические здания синагог. Данные синагоги находились в больших городах и столицах союзных республик. Главным отличием этого типа общин, то что они должны были репрезентировать состояние иудаизма в СССР международному сообществу, показать на своем примере степень нормализации отношения государства к евреям и опровергнуть существования религиозных ограничений. К данному типу относились общины: Московской и Ленинградской хоральных синагог, Киева, Риги, Тбилиси.

Второй тип: «Синагоги компактного ядра еврейского населения». Общины, определяемые в эту группу отличались степенью традиционности и в основном находились в местах компактного расселения евреев. В основном эту группу составляют восточные общины представленные горскими, бухарскими,

грузинскими евреями. Данные общины были наиболее активны, они также были финансово состоятельны. Как правило, они находились на периферии бюрократического контроля и пользовались лояльностью местной власти.

Третий тип: «Малые синагоги» - общины провинциальных городов. Это общины, которые могли не иметь собственного молитвенного здания и размещаться в частных домах. Они были не многочисленны и составляли несколько десятков прихожан. Бюджет, как правило, был общин небольшой.

Четвертый тип - «незарегистрированные общины» - включает религиозные объединения, не прошедшие официальную регистрацию. По своей организационной структуре они мало отличались от общин третьего типа. Такие сообщества могли иметь собственного руководителя, а в некоторых случаях - признанного раввина, чей авторитет объединял вокруг себя верующих.

Подчеркнуто, что еврейские общины СССР демонстрировали институциональную гибкость, сочетая формальное подчинение с сохранением религиозной практики. Децентрализованная структура иудаизма позволила ему лучше адаптироваться к советским условиям, чем централизованным христианским конфессиям. Типология отражает "сверхинституционализацию" религиозной жизни: контроль со стороны государства порождал сложные стратегии выживания общин.

В шестом параграфе представлены основные сложности с функционированием общин, с точки зрения материального – обеспечения молитвенными зданиями и финансовой стороны.

В 1960–1980-е годы советские власти поддерживали ограниченное количество синагог, аргументируя это достаточностью для удовлетворения религиозных потребностей евреев. Чиновники, такие как И.М. Шапиро и В.А. Куроедов, подчеркивали, что существующее количество культовых зданий соответствует нуждам верующих, что было частью пропаганды для зарубежной аудитории.

Синагоги передавались общинам в бесплатное пользование или аренду, но исторические здания редко возвращались. После национализации в 1920-х годах

многие синагоги были перепрофилированы, а общины вынуждены были использовать небольшие помещения, часто арендованные у частных лиц.

Еврейские общины, с точки зрения обладания здания синагог в соответствии с типологией делились на три категории: «Видные синагоги» (например, Ленинградская хоральная синагога) – крупные, исторические, с устойчивым финансированием.

«Синагоги компактного ядра» (например, в Нальчике и Махачкале) – средние по размеру располагались в частных домах, переданных государством или арендуемые у других лиц. Бюджет данных общин был средним по размеру относительно других типов

«Малые синагоги» – небольшие, часто арендованные помещения.

Основные расходы общин шли на содержание зданий и персонала. Крупные синагоги (Ленинград, Киев) имели значительные доходы, в то время как малые общины (Астрахань, Саратов) едва покрывали базовые нужды. Документы СДР фиксировали стратификацию общин по финансовым возможностям.

Незарегистрированные общины (миньяны) собирались в частных домах, особенно в праздники. Власти знали об их существовании, но редко вмешивались, ограничиваясь статистическим учетом. Примеры из Брянской области показывают, как общины адаптировались к ограничениям.

Финансовые и материальные условия сильно варьировались в зависимости от типа общины. Исторические здания синагог редко возвращались, что вынуждало общины использовать альтернативные помещения.

Третья глава «Религиозная жизнь и традиция» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассмотрена проблема кризиса института раввината. В результате антирелигиозной политики советского государства к середине XX века еврейские общины столкнулись с острой нехваткой квалифицированных раввинов. Уничтожение религиозных институтов, репрессии и отсутствие системы подготовки кадров привели к критическому сокращению числа духовных лидеров, особенно к 1960-м годам.

В еврейской традиции раввин выполнял три ключевые функции: религиозную (руководство обрядами), судебскую (толкование Галахи) и педагогическую (обучение). Однако в СССР эти функции были значительно ограничены. Раввины утратили административную и судебную власть, а их роль свелась к духовному наставничеству и символическому лидерству.

В 1957 году была открыта единственная в СССР иешива «Коль Яаков» при Московской хоральной синагоге. Однако её работа была затруднена из-за финансовых проблем, бюрократических препонов и низкого уровня подготовки учащихся. Большинство выпускников становились резниками, а не раввинами, что не решало кадровый кризис.

В новых условиях раввины адаптировались через три основные роли: Глава общины – формально утратив власть, но сохраняя моральный авторитет. Дипломат – представление СССР на международной арене для демонстрации лояльности властям. Наставник – выполнение религиозных обрядов и обучение традициям в условиях отсутствия образования.

Из-за отсутствия подготовленных кадров функции раввинов часто переходили к резникам, канторам или старшим членам общин. Это привело к смещению акцента с профессиональных знаний на практические навыки, что отражало общий упадок института раввината в СССР.

Советская политика привела к разрушению традиционного института раввината, но общины адаптировались, перераспределяя роль раввина среди других наиболее знающих еврейскую традицию членов общин. Раввины сохранили значение как духовные лидеры и символы идентичности, несмотря на формальное исключение из управления самими общинами. Государство использовало раввинов в пропагандистских целях, демонстрируя их наличие как доказательство отсутствия религиозных преследований.

Во втором параграфе представлен анализ репрезентации еврейской праздничной календарной обрядности в документации СДР. Отмечено, что советская бюрократия (через уполномоченных Совета по делам религий, СДР) фиксировала и интерпретировала еврейские праздники в 1960–1980-е гг. Отчеты

чиновников, формально предназначенные для контроля, стали ценным источником информации о религиозной и национальной жизни еврейских общин в СССР.

Еврейские праздники – ключевой элемент религиозной и социальной жизни, объединяющий общину через соблюдение традиций (Песах, Рош ха-Шана, Йом-Кипур и др.). Они структурировали взаимодействие между верующими и государством, так как чиновники СДР активно наблюдали за их проведением.

Чиновники документируя прохождение конкретного праздника, выступали своего рода этнографами, их методы наблюдения и составления докладных записок схожу с ведением полевого дневника. Уполномоченные СДР фиксировал, как количество участников (в праздники посещаемость синагог возрастала в разы) и детали обрядов (роль раввина, использование молитвенных принадлежностей), так Временные рамки мероприятий (длительность молитв, расписание).

Особое внимание в период 1960-1980-х гг. уделялось празднику Симхат-Тора, который привлекал молодежь и интерпретировался как проявление сионизма.

Основной тенденций по отчетам СДР можно считать рост посещаемости синагог в праздники: в крупных городах (Москва, Ленинград) число молящихся достигало тысяч, в регионах – сотен человек. В региональном измерении тенденции выражались в различных интерпретациях увеличения численности по праздникам

В Ленинграде уполномоченный делал акцент на "националистических" мотивах (связь с Израилем, особенно после Шестидневной войны 1967 г.). В Брянске и Нальчике объяснения через бытовые факторы (участие женщин, новые здания синагог).

Этнографическая детализация: описание ритуалов (танцы со свитками Торы, распитие алкоголя на Симхат-Тору), что отражало не только контроль, но и интерес чиновников к традициям. Подчеркнута роль бюрократии: Отчеты СДР, будучи инструментом контроля, невольно стали историческим источником, фиксирующим религиозные практики. Политизация праздников: Власти видели в

массовых мероприятиях угрозу (сионизм), но часть чиновников проявляла профессиональный интерес к наблюдаемой религиозной культуре.

В третьем параграфе рассматривается случай из повседневной жизни еврейских общин в представленный период на примере обеспечения мацой к празднику Песах.

Маца – обязательный атрибут праздника Песах, предписанный Торой. В СССР её производство не запрещалось, но из-за необходимости больших объёмов муки и строгих кошерных требований оно требовало согласования с государственными органами. Общины брали на себя задачу обеспечения верующих мацой, что стало важным аспектом их деятельности.

Советские власти тщательно отслеживали производство мацы, так как её продажа влияла на доходы общин. Уполномоченные по делам культов включали данные о выпечке мацы в отчёты, связывая объёмы производства с религиозной активностью. Основные трудности включали: поиск кошерных помещений, закупку муки через плановую систему снабжения, политические ограничения (отказы в разрешениях).

Основных способов производства мацы в данный период времени было два. Первый, централизованный – через государственные пекарни (1950-е гг.) или общинные мацепекарни (1960–1970-е гг.). Второй, частный – выпечка в домах верующих, особенно в регионах без официальных общин. Ленинград и Нальчик стали ключевыми центрами снабжения мацой других общин.

Доходы от продажи мацы были значительными (например, в Ленинграде – до 75 тыс. руб. в год), но большая часть средств шла на расходы. Власти ограничивали прибыль, требуя отчислений в Фонд мира. Цены на мацу варьировались: от 80 коп. до 2 руб. за кг в зависимости от региона.

Крупные общины (Ленинград, Нальчик) снабжали мацей меньшие общины, формируя сеть горизонтальных связей. В регионах без официальных синагог преобладала домашняя выпечка.

Зарегистрированные общины проявляли институциональную гибкость, преодолевая бюрократические ограничения при организации легального

производства, в то время как незарегистрированные группы сохраняли традицию через частную выпечку в домашних условиях, тогда как советские власти, в свою очередь, использовали регулирование производства и распределения мацы как инструмент контроля над религиозной жизнью еврейских общин.

В Заключении подводятся основные итоги исследования.

Разрушение традиционной еврейской модели жизни под влиянием Холокоста, модернизации, эмиграции и создания Израиля привело к глубоким изменениям в религиозных институтах и идентичности. В СССР секуляризация евреев усиливалась из-за антирелигиозной политики, но при этом сохранялись элементы религиозно-национального самосознания, тесно переплетённые в иудаизме.

Власти СССР, выстраивая религиозную политику по образцу христианских церквей, не учитывали специфику иудаизма, где этническое и религиозное начала неразделимы. Контроль за синагогами, особенно после 1967 года, ограничивал их деятельность, но из-за недостатка ресурсов у Совета по делам религий контроль был неравномерным, что позволяло общинам находить способы обхода для сохранения традиций.

Легальное существование синагог требовало постоянного взаимодействия с властями, что привело к бюрократизации еврейских институтов. Общины вынуждены были балансировать между формальным соблюдением советских норм и использованием противоречий в системе, чтобы сохранить религиозную жизнь.

В условиях дефицита квалифицированных раввинов руководство общинами часто брали на себя пожилые активисты, готовые идти на компромиссы с властями ради сохранения синагог. Их тактика напоминала традиционное еврейское заступничество, но из-за сотрудничества с советским режимом они не получили признания за рубежом, хотя их усилия позволили сохранить сотни общин.

Несмотря на репрессии и ограничения, еврейские общины СССР смогли создать устойчивую модель функционирования, сочетавшую формальное

подчинение властям с неформальным сохранением традиции. Благодаря институциональной адаптации была заложена основа для религиозного возрождения после распада СССР, доказав удивительную стойкость еврейской идентичности даже в условиях систематического подавления.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Падалко С. С. Материальное еврейское наследие Краснодар // Исторический курьер. – 2022. – № 1(21). – С. 226-232. – DOI 10.31518/2618-9100-2022-1-19. – EDN EQRXWW. – 0,5 п.л.

2. Падалко, С. С. Обеспечение еврейских общин мацой в СССР в 1960-1980-е гг. // История повседневности. – 2025. – № 3(35). – С. 107-121. – DOI 10.35231/25422375_2025_3_107. – EDN IOABCC. – 0.75 п.л.

3. Падалко С. С. Иудейские общины в СССР 1960-1980-х гг.: типология адаптации религиозных институтов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2025. – № 3. – С. 97-104. – DOI 10.29025/1994-7720-2025-3-97-104. – EDN WBFIMJ. – 0,75 п.л.

Статьи, опубликованные в иных рецензируемых научных изданиях

4. Падалко С. С. Иудейское культовое строительство в Российской империи: проблемы терминологии // Славяноведение. – 2024. – № 6. – С. 61-74. – DOI 10.31857/S0869544X24060058. – EDN XGUSFJ. – 1 п.л.

5. Падалко С. С. Статус раввина в позднесоветских еврейских общинах: институциональные вызовы и адаптационные стратегии // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. – 2025. – № 2025. – С. 328-347. – DOI 10.31168/2658-3356.2025.16. – EDN POLMAW. – 1 п.л.